

«КОРРУПЦИИ НЕТ ТОЛЬКО ТАМ, ГДЕ ЛЮДИ ГОЛОДНЫЕ»

Posted on 30.07.2021

Президент Татарстана в интервью Forbes рассказал о ложном восприятии России в Давосе, борьбе с коррупцией и экстремизмом и подготовке к Универсиаде в Казани.

— В Татарстане сегодня реализуется целый ряд крупных инвестпроектов: особая экономическая зона «Алабуга», «Иннополис», технопарки. При этом на международном экономическом форуме в Давосе участники российской сессии дружно голосуют за плохой инвестиционный климат как за ключевую проблему российской экономики. Насколько мешает республике восприятие России как государства, недружелюбного для инвесторов, как изменить это убеждение?

— Просто возьмите список голосовавших в Давосе по этому вопросу. Там инвесторов нет, там есть политики, которые ездят по таким мероприятиям. Реальные инвесторы не там, не в Давосе.

Кто-то пытается представить дело так, будто в России бизнес делать невозможно. Это неправда. Посмотрите на нашу ОЭЗ «Алабуга». Здесь строят заводы компании из Турции, Дании, США, Германии, Франции, других стран.

— К сожалению, опыт Татарстана в этом смысле скорее уникален в масштабах страны...

— Ничего уникального нет. В других регионах тоже есть опыт успешных инвестпроектов. Может быть, мы немного продвинулись вперед по сравнению с остальными. Но все не так плохо, как это пытаются представить в Давосе.

Я очень сожалею, что мои коллеги-соотечественники представляют себе Россию страной с большими рисками, делают акцент на проблеме коррупции. Да, у нас есть коррупция, да, у нас есть административные барьеры. Но посмотрите, какие меры, какие административные акты предпринимаются для исправления ситуации. Что поделаешь?

Коррупция есть везде, где есть перспектива. А нет коррупции только там, где люди голодные.

Так что эта проблема актуальна, но не стоит преувеличивать ее значение. А наша страна богатая и перспективная.

— Вопрос тоже отчасти про коррупцию. На прошлой неделе в Сочи президент России Владимир Путин жестко раскритиковал организаторов за нецелевое расходование средств и срыв сроков строительства олимпийских объектов. У Казани в 2013 году свой мегапроект — Универсиада. У вас есть уверенность в том, что средства, выделенные федеральным и региональным бюджетами на это мероприятие, израсходованы без злоупотреблений?

— Я в деталях с проблемами Сочи не знаком. Понятно, что это проект мирового масштаба и что в таком проекте неизбежны срывы по срокам и по расходам. Но я совершенно не сомневаюсь, что к старту Олимпиады все объекты будут готовы и сами Игры пройдут прекрасно.

Наш руководитель и должен нас критиковать. Где-то отстали по срокам, где-то потратили больше денег — такие ситуации всегда возникают. Но до сочинской Олимпиады остался еще целый год. А за год можно хоть всю страну перестроить.

Так что у меня нет никаких сомнений ни на счет Сочи, ни на счет Универсиады. Все пройдет более чем успешно. Напряжение есть, но мы будем работать спокойно, полгода в запасе у нас еще есть, не завтра же все случится. У нас есть график, у нас есть отчетность по нему. А то, что руководство страны строго спрашивает с таких крупных проектов, совершенно естественно.

— Вы сейчас упомянули новые нормативные акты, направленные на борьбу с коррупцией. Вам лично насколько эффективным представляется запрет на счета и ценные бумаги за рубежом для чиновников? Такие жесткие ограничения не приведут к тому, что выходцы из бизнеса попросту не захотят идти на госслужбу?

— Если бизнесмен приглашается на госслужбу, в законе должен быть оговорен срок, за который этот бизнесмен все свои активы из-за рубежа в Россию переводит и «упаковывает» в соответствии с рамками российской юрисдикции, все мотивы должны быть учтены. Эти меры нужны для того, чтобы обеспечить максимальную прозрачность. И государство исходит именно из таких соображений.

И в то же время вы абсолютно правы — для госслужбы нужны перспективные люди. Если их приглашают на работу, они не могут за один день перекинуть свои ценные бумаги, могут быть за рубежом у них и счета. Но в рамках идеи борьбы с коррупцией это абсолютно нормально.

— А идея национализации элиты с помощью таких мер вам кажется рациональной?

— Не думаю, что это национализация элиты. Руководство страны должно задать какие-то ориентиры развития, послы. Люди в отношении чиновников ждут мер, которые бы повысили прозрачность. В то же время это, безусловно, и некий шаг, некий посыл, чтобы власти могли показать — люди должны быть патриотами своей страны.

Некрасиво, когда россияне держат свои деньги на зарубежных счетах или ценные бумаги в депозитариях за границей. Он что, нашей стране не верит? Он здесь живет, он здесь работает и в то же время в чем-то сомневается?

Так что, я думаю, это правильный посыл. Другое дело, нужно регламентировать процедуру, по которой бизнесмен при переходе на госслужбу успевал бы выводить свои активы из-за рубежа в российскую юрисдикцию. Просто есть виды бизнеса, которые невозможны без обращения к Западу.

— В интервью Forbes пару лет назад вы говорили, что стабильное развитие малого и среднего бизнеса невозможно без обращения к реальному сектору экономики, с консервацией в сфере услуг. Насколько в Татарстане удалось решить эту задачу?

— Существует стереотип, будто малый и средний бизнес — это рестораны, кустарное производство и т.д. Подход нужно менять. Это не сфера услуг, хотя ее тоже нужно развивать — и туристический бизнес, и гостиничный, и торговлю в широком смысле. Но малый бизнес должен войти в высокотехнологичную сферу. К примеру, для этого мы сейчас заложили первый камень нового индустриального парка в ОЭЗ «Алабуга», где малый бизнес будет реально заниматься реальным сектором.

У нас такие проекты есть, и они дают для предпринимателей и экономики в целом гораздо больше, чем сфера услуг. Но доля валового регионального продукта, который производит малый и средний бизнес, даже в Татарстане надо повышать с 25% до 40%.

— И когда вы планируете этой планки достичь?

— К 2020 году. Есть примеры, когда предприятия малого бизнеса используют преимущества тех условий, что мы предоставляем, становятся средним бизнесом. Например, переработка полимеров. На сегодня 60 000 тонн полимеров перерабатывается нашими малыми предприятиями. А крупный бизнес должен эти тенденции поддерживать. 30% потребления

должно быть сосредоточено в точке производства.

— Можно ли сегодня подвести первые итоги вступления России в ВТО? Российские предприятия оказались готовы к конкуренции с иностранными производителями или нам еще рано отказываться от протекционизма?

— Знаете, все страны, в том числе члены ВТО, являются протекционистами. Поддержка своего товара — совершенно естественное явление. Просто в ВТО тот, кто вступил в организацию раньше, банкует над теми, кто пришел после него. Ничего страшного нет, мы этот путь должны пройти.

Зоны риска — там, где у нас низкая производительность труда и недостаток конкуренции. Пока нам надо продолжать поддерживать наших производителей. Особенно меня беспокоит агропромышленный комплекс и машиностроение.

— Даже КамАЗ в последнем квартале уступил часть доли рынка иностранным конкурентам.

— Посмотрим. Выводы после вступления в ВТО делать пока рано. Но мы определенно не успели модернизировать агропромышленный комплекс, в этой отрасли нам с иностранцами конкурировать очень тяжело. Они, заметьте, за свои протекционистские меры держатся крепко. Та же история с машиностроением. У наших производителей пока нет средств, достаточных для модернизации до конкурентного уровня. В общем, ВТО — это организация, где все привыкли договариваться. А если ты не согласен, то идешь в суд.

Конечно, для наших чиновников должен существовать процесс мониторинга итогов их деятельности и работать обучающие программы, чтобы знакомиться с тем, что такое ВТО, с рисками, с которыми тебе предстоит столкнуться. Мы, к примеру, в делегации из примерно 20 человек недавно ездили в женевскую штаб-квартиру ВТО, и генеральный секретарь организации проводил для нас семинары.

— Вы недавно сделали заявление о том, что республика не собирается расставаться с долей в «Татнефти». Это был просто ответ на вопрос или декларация позиции в связи с какими-то предложениями?

— Конечно, это был ответ на вопрос. У меня спросили — я ответил. «Татнефть» — высокоэффективная высокодоходная компания. Никакой дополнительной нагрузки для нас она

не создает, стабильно платит зарплату, налоги, дивиденды, наращивает капитализацию. Зачем ее кому-то отдавать? Почему я должен согласиться, что это должно быть чье-то? Это достояние республики, это достояние нашей страны. «Газпром» ведь тоже находится в собственности российского государства, и никому от этого не плохо.

— Как вы относитесь к переменчивой позиции федерального центра по поводу процедуры выборов губернаторов? В прошлом году был принят закон о возвращении всенародного прямого голосования, теперь речь идет о том, что регионы вправе самостоятельно решать, какая электоральная процедура им больше подходит.

— Любая форма выборов правильная. Исходя из текущей ситуации, и та форма хорошая, и эта. Россия — молодое государство: есть ментальность, есть традиции. Общество должно быть готово к серьезным переменам.

— Конкретно для Татарстана какая форма, на ваш взгляд, удобнее?

— Для Татарстана правильная и та, и другая форма. У нас была введена в прошлом году прямая система выборности, теперь она приостановлена. Сейчас решение зависит не от меня, не от администрации, а от нашего парламента.

— В преддверие Универсиады для Татарстана актуален вопрос обеспечения безопасности. В прошлом году в республике случилась вспышка религиозного экстремизма, было совершено покушение на муфтия Ильдуса Файзова. Насколько стабильна сегодня обстановка в регионе?

— А почему, когда Андерс Брейвик убил почти 70 человек в Норвегии, в Европе никто не говорил, что страна моментально стала плохой?

В Америке тоже каждый день кого-то убивают...

Да, у нас случились эти события, их виновники определены, правоохранные органы эффективно сработали.

Проявления экстремизма, к сожалению, есть, и это плохо. Государство не может самоотстраниться от таких событий. Любые призывы к свержению власти, любые призывы к насилию или превосходству одной религии над другой заканчиваются трагически. Люди, которые совершают эти преступления, - не верующие люди, это бандиты, которые только формально записались в мусульманскую религию. Но это может произойти везде. В 2001 году в

Америке были разрушены башни-близнецы, но сама Америка от этого не стала хуже.

Во-первых, у нас должно быть четкое законодательство, которое пресекало бы эти вещи. Все ведь происходит не просто так: где-то не уследили мы, где-то - правоохранительные органы. Пока законодательная база в России не учитывает всех нюансов. А люди, которые совершают преступления, учились за пределами страны, они были выключены из российского контекста.

Во-вторых, нам требуется более эффективная миграционная политика. Нынешняя порождает огромное количество проблем. Миграция должна быть упорядочена. События прошлого года помогли нам проанализировать узкие места. Сейчас мы наводим порядок в мечетях, мы помогаем обучать людей.

Конечно, религия и государство должны сосуществовать отдельно. Но когда мы слышим экстремистские призывы убивать людей, когда люди начинают провозглашать первенство одной религии над другой, нам что, нужно смотреть со стороны? Мы столетиями жили в мире и согласии со всеми конфессиями и никакой эскалации теперь не допустим.

Источник: [«Forbes»](#)

Дата публикации: 19-02-2013, 09:03

There are no comments yet.